

ИСТОРИЯ ДЕМОКРАТИИ

или

КЛАССОВАЯ ПРИРОДА НАРОДОВЛАСТИЯ.

ФИЛОСОФСКИЙ КРУЖОК
"КУЛЬТПРОСВЕТ"

Философский клуб "Культпросвет"

**История демократии или
Классовая природа народовластия.**

«Автор»

2026

Философский клуб "Культпросвет"

История демократии или Классовая природа народовластия. /
Философский клуб "Культпросвет" — «Автор», 2026

Данный текст, подготовленный философским кружком «Культпросвет», представляет собой анализ исторического развития демократии. Главный тезис работы заключается в том, что демократия не является абстрактным идеалом всеобщего блага, а на протяжении всей истории выступает инструментом осуществления власти того или иного господствующего социально-экономического класса собственников. В тексте последовательно рассматривается эволюция политических систем от зарождения частной собственности до наших дней. Авторы показывают, как первоначальная военная демократия сменилась рабовладельческой, обеспечивающей свободы крошечному меньшинству граждан за счет эксплуатации рабов. Позже, в эпоху феодализма, возникла форма управления, основанная на сословно-представительных органах. Современная же буржуазная демократия, исторически возникшая в борьбе с абсолютизмом, сегодня превратилась в фиктивную ширму для диктатуры монополий и финансового капитала.

© Философский клуб
"Культпросвет", 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. От безвластия к власти щита и меча.	6
Глава 2. Раскол в строю щитов: конец равенства.	8
Глава 3. От власти меча к власти цепей.	10
Глава 4. Rubiconem transire	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

История демократии или Классовая природа народовластия.

Введение

Читателю, скорее всего, знакома ситуация, когда какую-то страну сначала разрывают на части под предлогом свободы и гласности. Затем на протяжении нескольких десятилетий разрушают экономику, прикрываясь всё той же демократией и её утверждением. А под конец начинают открыто противопоставлять себя этой демократии, делая упор на том, что вот, дескать, проклятые демократы натворили, а мы не такие — мы будем строить мощную национальную экономику.

Делают всё это, кстати говоря, отнюдь не разные люди, как по описанию может показаться, а зачастую совершенно одни и те же. Сначала они требуют выпустить невидимую руку рынка, потом делят между собой государственную собственность, а где то под конец объявляют себя защитниками государства от последствий собственного хозяйствования. Меняются лозунги, галстуки и декорации, но собственность остаётся в тех же руках.

Выборы начинаются. Нас снова зовут к избирательным урнам. И снова предлагают ткнуть в имена и назвать пальцы. Потом проходит несколько лет, и оказывается, что цены растут, зарплата стагнирует, а, учитывая инфляцию, отрицательно увеличиваются. Да и в целом вектор развития общества почему-то не зависит от того, кто оказывается у руля.

В этот момент особенно важно остановиться и задать простой вопрос: а что вообще такое демократия? Кому она принадлежала раньше, кому принадлежит сейчас и почему само это слово сегодня вызывает у большинства лишь горькую ухмылку?

Одни всё ещё верят, что существует хорошая, настоящая демократия — только не здесь, не у нас, а где-то там. Другие впадают в противоположную крайность и говорят, что демократия есть одно лишь сплошное наваждение: подайте нам сильного, волевого лидера, и тогда заживём. Но и вера в волшебную урну, и вера в доброго царя одинаково уводят от главного вопроса: в чьих руках находится власть и как ее осуществляют.

Поэтому историю демократии нельзя рассказывать как историю постепенного просветления человечества. Сначала люди якобы были дикими, затем придумали собрание, парламент, а теперь осталось лишь правильно настроить избирательную систему — и наступит счастье. Нет. Демократия всякий раз была вполне определенной формой власти вполне определенного социально-экономического класса. Она расширялась, когда это отвечало интересам правящего класса, и суживалась, когда этот класс укреплял своё господство и переставал нуждаться в широком участии масс.

Попробуем проследить это движение от самого простого, почти бесформенного общественного устройства — к современному нам моменту и даже заглянем в будущее.

Написано в июле-августе 2026 года.

Глава 1. От безвластия к власти щита и меча.

Как известно многим ещё со школьной скамьи, на первоначальном этапе развития общества государства не существовало¹. Люди жили небольшими родовыми коллективами, занимались охотой, собирательством и простейшим рыболовством, а добытые ресурсы распределяли между членами общины — с учётом сложившихся потребностей и личного вклада каждого. Ни один человек ещё не мог систематически жить за счёт чужого труда: в обществе процветало присваивающее хозяйство.

Причина кроется не в особой нравственной чистоте первобытного человека. В условиях, когда ты не сеешь и не жнёшь, а лишь кочуешь с места на место, охотясь на мамонтов и собирая грибы да ягоды, у тебя нет ни возможности, ни практической необходимости накапливать излишки.

Там, где отсутствует прибавочный продукт, не возникает и частной собственности, а значит, просто нечего постоянно присваивать. Если же присваивать нечего, теряется любой смысл в содержании публичной власти — особой группы людей, которая охраняла бы имущество, вела учёт, судила непокорных и т.д..

Это и есть исходная точка отсчета: общество, пускай и небольшое, существует, общие дела решаются, но отдельной власти, стоящей над людьми, ещё нет. Нет силы, которая бы стояла над обществом, управление ещё не стало профессией.

Но постепенно люди переходят к земледелию и скотоводству — производящему хозяйству. Появляются постоянные поселения, более совершенные орудия, потребность и возможность создавать запасы. Теперь удачный год позволяет произвести больше, чем община немедленно съест. Возникает прибавочный продукт.

Вместе с производящим хозяйством возникает и возможность накопления. Скот, зерно, металл, землю и орудия труда теперь можно не только использовать, но и присваивать, обменивать, передавать по наследству. Между племенами развивается обмен, а вслед за ним появляются и масштабные конфликты за ресурсы — за тот самый прибавочный продукт. Если раньше столкновения между общинами носили скорее эпизодический и ритуальный характер, то теперь зарождается настоящая война, которая быстро превращается в регулярный и весьма прибыльный промысел.

Именно здесь, на остатках родового равенства, появляется первая форма народовластия — военная демократия². Община ещё не расколота на господ и подчинённых. Но право решать общие дела уже принадлежит не всем членам рода, а прежде всего вооружённым воинам.

Почему власть получает собрание воинов?

Во первых потому что труд на земле вещь достаточно тяжелая и женщины, так как они вынашивали и выращивали детей, физически не могли брать на себя всю полноту этой нагрузки. Владение сохой, уход за крупным скотом и корчевка леса постепенно становились мужским делом. Мужчина становится главным производителем базовых благ в семье, а накопившийся скот и орудия труда — первой частной собственностью, находившейся в его руках.

Во-вторых, война превратилась в регулярную и крайне прибыльную «отрасль хозяйства». Зачем месяцами горбатиться на поле, если можно то же самое отнять у соседей? Мужчина-воин стал не просто защитником, а ключевым добытчиком богатства для рода.

¹ Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1961. — Т. 21. — С. 23–178.

² Суровень Д. А. РАННЯЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВА // Новый ракурс. 2016. №16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rannaya-forma-gosudarstva>

В-третьих. В мире, где выживание общины зависит от силы и способности удержать свои пашни, решающее слово естественным образом достается тому, кто регулярно стоит в боевом строю. Голосование стуком мечей о щиты — не только ритуал, но и прямая демонстрация военной силы: «За этим решением стоит вот столько мечей, спорить бессмысленно».

Именно поэтому женщины и дети от решения ключевых вопросов постепенно отстраняются. Правом голоса наделяется только тот, кто может защитить это право с оружием в руках. Общество разделяется на тех, кто воюет (собрание), тех, кто хранит опыт (старейшины), и тех, кто обслуживает быт (женщины)³.

Что же мы видим уже на первом этапе развития демократии?

Ограниченность. Власть принадлежит только тем, кто способен держать оружие в руках.

Принуждение. Если собрание воинов решает выбрать нового вождя или встать на оборону земель, несогласный обязан подчиниться силе большинства — либо стать изгоем.

Первая демократия рождается не как власть всех, а как власть вооружённой части общины.

Понятно также что был и процесс мирного объединения родов и общин, а так же стоит учитывать что первая военная демократия не является всеобщим правилом. В местах, где людям приходилось заниматься ирригацией⁴ процесс изначально пошел по пути максимальной централизации и стратификации. Но в данной брошюре мы рассмотрим именно европейский вариант развития общества.

³ Тобуков Павел Захарович Некоторые аспекты эволюции матриархата и патриархата: историко-философский анализ // Педагогика. Психология. Философия. 2016. №4 (04). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-evolyutsii-matriarhata-i-patriarhata-istoriko-filosofskiy-analiz>

⁴ Галеев Камиль Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-gidravlicheskogo-gosudarstva-k-vittfogelya-i-ee-sovremennaya-kritika>

Глава 2. Раскол в строю щитов: конец равенства.

Военная демократия не могла оставаться устойчивой. Пока войны редки, каждый общинник может взять оружие, сходить в поход и вернуться к своему хозяйству. Но чем больше богатства приносит война, тем чаще она ведётся. А чем чаще она ведётся, тем сильнее общество нуждается в людях, для которых война становится постоянным занятием.

Из массы ополченцев постепенно выделяются наиболее опытные и удачливые воины. Они лучше вооружены, чаще участвуют в походах, получают соответственно большую долю добычи и могут позволить себе не возвращаться каждый раз к сохе. Вокруг военного вождя складывается дружина⁵ — отряд, связанный с ним не только родством и обычаем, но общей добычей и личной верностью.

Здесь совершается важный переход. Раньше община выбирала вождя для выполнения функции. Теперь вождь получает собственную силу, которая существует отдельно от собрания. Он уже не просто первый среди равных: у него есть люди, кормящиеся при его дворе, получающие от него оружие, землю, пленных и в скором времени право собирать дань. Условно говоря, появляется князь — не обязательно под этим названием, но с похожей общественной функцией.

Почему власть концентрируется именно вокруг него? Потому что централизованное командование оказывается эффективнее разрозненного не профессионального ополчения. Поход надо готовить заранее, добычу распределять, укрепления строить, дань собирать, пленных сторожить, конфликты между родами и общинами решать. Собрание может постановить, идти ли на войну, но оно не способно каждый день руководить всё более сложным хозяйством войны и грабежа. Постоянная потребность в насилии рождает постоянный аппарат насилия.

Дружина по-началу служит всей общине, но живёт уже не как община. Она содержится за счёт прибавочного продукта, собранного с остальных. Поэтому у неё появляется собственный интерес: походы должны продолжаться, дань - возрастать, власть князя должна крепнуть. Чем сильнее дружина, тем меньше князь зависит от народного собрания; чем меньше он зависит от собрания, тем большую долю богатства может направить на усиление дружины.

Богатство начинает порождать власть, а власть — новое богатство. Вчерашний выборный военный предводитель превращается в наследственного правителя, старейшины — в знать, а свободные общинники — в податное население.

Военная демократия, развиваясь, начинает отрицать саму себя.

Правда централизация побеждает не везде.

История движется не по прямой колее. В одних обществах власть военного вождя закрепляется и превращается в раннюю монархию. В других царская власть оказывается слишком слабой, терпит поражение в борьбе с родовой знатью или разрушается под ударами внутренних противоречий.

Именно на этой почве возникают античные полисы и рабовладельческие республики. Но это отнюдь не возвращение к прежнему равенству. Наоборот, общество уже расколото на классы, частная собственность закреплена, рабство существует. Просто вместо одного наследственного владыки появляется собрание граждан, совет знати и выборные должности.

Монархия и республика не противоположности по своей сути а лишь разные способы организации власти собственников. В одном случае они передают управление одному дому, в другом — делят власть между собой.

⁵ Плотникова Ольга Анатольевна Становление института княжеской власти в древней Руси // Власть. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-knyazheskoy-vlasti-v-drevney-rusi>

Князь возникает из собрания, а республика — из борьбы собственников против князя. Но и первое, и второе стоит над уже расколотым обществом.

Однако то, какую именно форму примет это расколотое общество, зависело от исторических и географических условий. Распад военной демократии образовал историческую развилку. В одних регионах — с бескрайними территориями и преобладанием натурального земледелия — логика завоеваний привела к тому, что княжеская власть напрямую стала перерастать в ранний феодализм, делая ставку на сбор дани и закрепощение крестьянина на земле, минуя стадию массового рабства. В других же регионах развитие пошло по иному, куда более радикальному пути.

Глава 3. От власти меча к власти цепей.

Рабовладельческий строй, получивший своё классическое завершение в античной Греции и Риме, не был обязательной исторической остановкой для каждого государства на планете. Превращение военнопленного в статус «говорящего орудия» требовало уникального стечения обстоятельств, при которых эксплуатация невольника давала прибавочный продукт, превышающий издержки на его содержание.

Первоначальной базой для этого стали технологический скачок (распространение железных орудий, повысивших индивидуальную отдачу) и география Средиземноморья⁶. В отличие от речных цивилизаций Востока, где выживание зависело от гигантских ирригационных систем и коллективного труда свободных общинников, античный ландшафт благоприятствовал частному виноградарству и оливководству — трудоемким отраслям, идеальным для небольших партий рабов. А близость моря позволила сбывать излишки, породив товарную экономику.

Своего же величайшего размаха эта система достигла в Древнем Риме. Здесь главным экономическим фактором стала непрерывная военная экспансия, превратившаяся в механизм бесперебойной добычи сверхдешевой рабочей силы. Огромный, все увеличивающийся приток пленных обрушил цены на невольников, что привело к разорению свободного крестьянства и появлению латифундий — гигантских частных плантаций. Дешевизна раба на пике римских завоеваний была такова, что его жизнь стоила меньше амортизации сельскохозяйственных инструментов. Именно эта жестокая экономия на издержках воспроизводства жизни, вкупе с жесточайшим полицейским аппаратом подавления, позволила римскому рабству стать подлинным базисом целой империи.

Но если массовое рабовладение не было универсальным, почему сегодня так важно его изучать?

Потому что именно в горниле античных рабовладельческих республик выковывались формы власти, существующие до сих пор. Античное рабство — это самая обнажённая, «химически чистая» форма классового господства, лаборатория, в которой были изобретены механизмы управления массами. Здесь эксплуатация ещё не прикрыта сложными юридическими уловками о «свободном найме» или «равных возможностях». Чтобы понять суть современной буржуазной демократии, необходимо увидеть её прародителя.

Поэтому продолжим.

Военная демократия и власть князя не подходили для рабовладельческого типа хозяйствования. Там решающую роль играло не столько завоевание новых территорий с последующим сбором дани (хотя это тоже было), сколько интенсивное использование рабского труда на земле, в рудниках и в мастерских, требовалась иная политическая конструкция. Единичный вождь с дружиной был слишком слаб, чтобы удерживать в повиновении огромные массы невольников и одновременно сдерживать алчность знати, которая сама хотела участвовать в управлении и дележе добычи. Поэтому в греческих полисах и в Риме власть приняла форму республики — коллективного господства класса рабовладельцев, оформленного как «общее дело» свободных граждан.

Но что такое «гражданин» в этом мире? Это мужчина, рождённый от свободных родителей, владеющий собственностью (землёй, рабами, деньгами) и не занятый физическим трудом. Именно он — полноправный член сообщества. Все остальные — женщины, иностранцы, вольноотпущенники и, конечно, рабы — из политики исключены. В Афинах времён Перикла число таких граждан не превышало 30–40 тысяч из 300 тысяч жителей. В Риме — примерно столько же

⁶ Нуреев Р. М. Античное общество первый опыт экономической и политической демократии // Пространство экономики. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnoe-obschestvo-pervyy-opyt-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-demokratii>

при полуторамиллионном населении. То есть рабовладельческая демократия с самого начала была властью меньшинства, причём меньшинства, которое само себя определяло как «народ».

Как же эта власть осуществлялась?

Главным органом формально оставалось народное собрание, где граждане голосовали за законы, войну, мир и должностных лиц. Но реальные рычаги находились в руках совета (буле в Афинах, сенат в Риме) и выборных магистратов, которые формировались из самых богатых и знатных родов.

В Афинах для участия в собрании нужно было иметь свободное время – бедный ремесленник или крестьянин не мог бросить работу ради многочасовых дебатов на агоре. Позднее правда ввели плату за посещение (мистос), но она лишь слегка приоткрыла дверь, не меняя сути: ключевые решения готовились в закрытых комитетах, где заседали состоятельные люди.

В Риме центуриатная система делила граждан на имущественные классы: первый (самые богатые) выставлял 98 центурий из 193 – этого хватало, чтобы принять любое решение, даже не спрашивая мнения беднейших пролетариев, у которых была всего одна центурия. Голосование было не «один человек – один голос», а «одна центурия – один голос», и богатое меньшинство всегда оказывались в большинстве.

Долговое рабство довершало картину. Разорившийся крестьянин, взявший в долг под залог земли или собственной свободы, при неурожае терял всё и сам становился рабом своего кредитора. Вчерашний гражданин выбывал из списка голосующих, а его участок переходил к крупному землевладельцу. Так латифундии поглощали мелкие надель, а число неимущих пролетариев росло. Пролетарий («тот, у кого есть только дети») формально сохранял право голоса, но реально продавал его за хлеб и зрелища богатому патрону – так возникла клиентела, система личной зависимости, которая сводила выборы к торгу⁷.

Но главное, что отличало античную демократию от всех предыдущих форм, – это полное отделение аппарата принуждения от народа. Рабы ненавидели хозяев и были готовы восстать. Неимущие свободные требовали передела земли и отмены долгов. Чтобы удержать этот взрывоопасный котёл, потребовались постоянные армии (не ополчение, а профессиональные легионы), тюрьмы, писанные законы и разветвленная бюрократия. Всё для одной цели – защищать частную собственность и обеспечивать как бесперебойную эксплуатацию невольников так и их приток.

И здесь возникает ключевое противоречие, что-то очень сильно напоминающее. Античный полис провозглашал свободу и равенство – но только для крошечной верхушки. Эта свобода была куплена цепями десятков тысяч рабов. Чем шире становились границы республики (Рим покорил весь Средиземноморье), тем больше рабов поступало на рынок, тем богаче становились патриции и тем беднее – свободные плебеи. Демократические институты сохранялись, но фактически превращались в декорацию, за которой стояла диктатура сверхбогатых.

Таким образом, на рабовладельческом этапе мы видим те же черты, что и в первой «военной» демократии, но в доведённом до предела виде:

- Исключительность – доступ к власти имеют не более 10–15% взрослого **мужского** населения.

- Фиктивность равенства – один голос богача весит неизмеримо больше, чем голос бедняка, даже при формально равной процедуре.

- Свобода за чужой счёт – досуг и культура граждан существуют благодаря бесправному труду рабов.

- Насилие как норма – государство превращается в машину подавления, и это считается нормой.

⁷ Античная история и классическая археология. Изд. серия «Академклуб: Исторические науки». Вып. 2. М., 2006. С. 64 —78.

Глава 4. Rubiconem transire

Рабовладельческая демократия, какой бы мощной она ни была, не могла оставаться устойчивой даже в пределах своего узкого круга. Внутри класса рабовладельцев постоянно шла борьба за влияние, земли и политическое господство. Та система, что работала в небольшом полисе, давала сбой, когда государство разрасталось до размеров огромной средиземноморской державы⁸.

Возьмём Римскую республику – наиболее изученную модель этого перерождения. Там демократические институты (народные собрания, выборные магистраты, трибуны) просуществовали несколько веков, но реальная власть постепенно концентрировалась в руках сенатской олигархии – узкого круга знатных семей (нобилитет). Они контролировали суды, назначали наместников в провинции, вершили внешнюю политику. Народные собрания, по закону обладавшие высшей властью, всё чаще превращались в послушных попугаев: голоса бедноты покупались за деньги, за хлебные раздачи, за обещание новых зрелищ.

Именно тогда начали рваться первые швы. Братья Гракхи во II веке до н.э. попытались расширить доступ к земле и хлебу для разорённых граждан, опираясь на народное собрание и закон. Сенатская олигархия ответила убийством реформаторов и вооружёнными расправами над их сторонниками. С этого момента внутривластическое насилие стало нормой. **Демократия перестала быть даже формальным арбитром – она стала полем боя между фракциями господствующего класса.**

Далее – гражданские войны. Армия, прежде бывшая ополчением граждан, превратилась в профессиональную силу, верную не республике, а своему полководцу, который платил солдатам и давал им долю из добычи. Полководцы вроде Мария, Суллы, Помпея и Цезаря использовали войска уже не против внешних врагов, а против своих политических противников внутри Рима. Сулла первым захватил город силой и ввел проскрипции (списки казнимых). Цезарь перешёл Рубикон, разгромил сенатскую армию и стал пожизненным диктатором.

⁸ Дарья А. Беляева Трансформация политического насилия в поздней Римской республике (на примере расправы над Гракхами) // История и архивы. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-politicheskogo-nasiliya-v-pozdney-rimskoy-respublike-na-primere-raspravy-nad-grakhami>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.